

Страшное эхо войны

Вечерело. Жаркий июльский день угасал медленно, казалось, он никогда не кончится. Но тени становились все длиннее и длиннее, и солнце уже не раздражало своими обжигающими лучами, напротив, было приятно чувствовать его теплое и нежное дыхание.

Георгий медленно шел по деревянным мосткам знакомой улицы, которую когда-то до войны считал чуть ли не родной. Ведь на этой улице жил его лучший друг Володя Красавин: вместе они учились со второго по девятый класс, сидели за одной партой, вместе и почти одновременно, еще по-детски влюбились в одну и ту же одноклассницу, веселую и бойкую Шурку, и долго скрывали свои чувства друг от друга.

Пожалуй, это была единственная тайна, которой они не хотели делиться. Георгий улыбнулся, когда вспомнил, как они с Володей провожали Шурку из школы. Девочка жила с матерью в заречной части города. Шагая по знакомым улицам, каждый думал, что другой просто выручает товарища из чувства солидарности: ведь в то время восьмикласснику считалось неудобным провожать девушку, а когда двое мальчишек идут с девчонкой – это ни у кого не вызывало подозрений и нареканий.

Ныне, в век акселератов и раннего взросления, люди спокойно относятся к тому, что совсем молодые мальчишки и девчонки рано влюбляются, сходятся и так же быстро расходятся, когда кажущаяся любовь оказывается ошибкой и часто приводит к маленьким, а иногда и серьезным потрясениям, разочарованиям и даже трагедиям. Впрочем, к этому уже привыкли: времена меняются, меняются и люди, а вместе с ними – обычаи, нравы и правила поведения.

Неожиданно Георгий, глубоко погруженный в школьные воспоминания, споткнулся о вывернутую из мостков доску, упал и больно ушиб колено. Воспоминания о школьных годах улетучились, словно легкая тучка, неизвестно откуда появившаяся и исчезнувшая в необъятной шире небосвода.

Георгий уже прошел мимо парка, откуда они с Володей в октябре 1941 года уходили на фронт.

Володя был младшим сыном в семье Красавиных, старший – Николай, закончив среднюю школу, учился тогда в институте.

Говорили, что он очень способный студент и прочили блестящее будущее "ученому химику", "академику", "светиле науки". Впрочем, сам Николай был скромным и стеснительным юношей, чувствовал себя неуютно и краснел, когда его хвалили за отличные успехи в учебе. Братья, которых разделяли пять лет, с каждым годом, словно молодые, стройные деревца, становились все красивее и крепче. Николай был особенно привлекательным, когда улыбался: казалось, глаза его в этот момент искрились, окружающие, глядя на статного юношу, невольно проникались теплым чувством неизвестно откуда появившейся радости.

Володя, еще мальчишка по возрасту, выглядел несколько старше своих лет и был, как утверждали соседи, "вылитым в маму" – Тамару Николаевну, которая славилась в округе необычайной красотой и мягким добрым характером. Летом люди частенько видели ее, идущей по улице легкой походкой, в светлой блузке и зеленоватой юбке, и были очарованы ее голубыми глазами, ласково и нежно глядящими из-под черных изогнутых бровей. Тамаре Николаевне было около сорока лет, замуж она вышла рано и тот, кто ее не знал, не мог поверить, что ее старшему сыну "стукнуло" уже двадцать лет, так молодо она выглядела.

Муж Тамары Николаевны, Сергей Николаевич, крепкий, коренастый интеллигентный мужчина, нежно и трогательно любил свою жену и всячески старался помочь ей в хлопотах по дому. Он был человеком трезвым, энергичным, нрава веселого и особенно приятен в компании. Остроты и шутки, которыми, казалось, он был переполнен, как новогодняя елка игрушками, привлекали к нему всеобщее внимание и заставляли улыбаться даже заядлых скептиков. Инженер высокого класса, Сергей Николаевич в силу своей приятной внешности и неистощимого остроумия пользовался большим успехом среди женщин. Именно поэтому, будучи еще совсем молодой девчонкой, Тамара Николаевна, а в то время просто Томка, влюбилась в него, как тогда говорили, "сразу и навечно". Оба на всю жизнь запомнили торжественный вечер, посвященный окончанию школы, которую покидали Тамара и ее одноклассники.

Как всегда в таких случаях, все были радостны и возбуждены, но с легким налетом грусти. Пришел на вечер и молодой инженер Сергей Николаевич, приглашенный племянницей Олей, учившейся вместе с Тамарой. Оля и раньше несколько раз рассказывала своему "милому дяде" об удивительном

красивой однокласснице и намекала, что могла бы познакомить его со своей подругой. Однако Сергей Николаевич не придавал значения веселому щебетанию своей увлекающейся племянницы, полагая, что ей просто нравится подруга, с которой ее связывала крепкая дружба и общая цель – поступить в медицинский институт.

За неделю до выпускного вечера Оля попросила Сергея Николаевича пойти с ней на торжество, но он уклонился от ответа, шутливо заметив, что там у них и так много мальчиков, а он уже вырос из их возраста. Однако, когда накануне вечера Оля настойчиво повторила приглашение и заявила, что "даже Тамара" хочет увидеть молодого дядю, Сергей Николаевич не смог больше отказываться, считая, что иначе обидит племянницу.

На вечере присутствовали учителя, выпускники школы, а также родные и близкие "именинников и именинниц", как назвал своих бывших воспитанников директор школы во вступительном слове. Все выступавшие не могли побороть охватившее их волнение, понимая, что в жизни молодых людей закончился, может быть, самый счастливый и неповторимый этап. От имени выпускников выступала Тамара. Ее звонкий, чуть дрожащий от волнения голос, озаренные каким-то особым светом голубые глаза и проникновенные слова благодарности учителям вызвали радостное возбуждение и громкие аплодисменты. Сергей Николаевич с удивлением смотрел на эту стройную, красивую, переполненную восторгом девушку и невольно сравнивал ее с прекрасной, только что распустившейся розой. Закончив приветствие, Тамара сошла со сцены и направилась к своей подруге, стоявшей недалеко от Сергея Николаевича. В это время начались танцы и молодой инженер, слегка поклонившись, пригласил Тамару на вальс.

Именно этот вальс и определил их судьбу, судьбу на всю недолгую, но так счастливо начавшуюся жизнь. В вихре танца они зачарованно смотрели в глаза друг другу и молчали. Казалось, они давным давно знакомы, а сила их взаимного притяжения была гораздо сильнее земного. Их любовь не началась, а вспыхнула мгновенно и разгорелась, как всепоглощающее пламя. Это была страсть обоюдная, страсть, которая встречается крайне редко и только у людей волевых, сильных и необыкновенных.

Когда через годы Тамара и Сергей вспоминали этот вечер и особенно первый, соединивший их вальс, радостная улыбка озаряла их лица.

Георгий знал романтическую и красивую историю семьи Красавиных. Его сердце забило сильнее, что-то дрогнуло в молодой груди, он физически ощутил тяжесть в ногах, подходя к калитке домика Красавиных. Необъяснимая тревога охватила Георгия, когда он увидел старый, частично повалившийся забор, подгнившие доски которого, казалось, вот-вот упадут даже при легком прикосновении. Некогда аккуратные грядки перед окнами дома, которые раньше всегда, как на картинках, красовались ровными рядами моркови, лука, огурцов и различной зелени, теперь заросли густой и высокой сорной травой.

- "Очевидно, заболели или переехали Красавины", - пронеслось в голове Георгия. Он легонько толкнул подгнившую и печально скрипнувшую калитку.

Деревянные мостки, ведущие от калитки через канавку к крыльцу дома, разошлись, раздвинулись, и только одна доска оставалась прочной, по ней Георгий и вошел на крыльцо.

Сколько воспоминаний нахлынуло на него! Ведь здесь, на этом крылечке, они с Володей часами сидели вместе, учили уроки, читали приключенческие книжки, рассматривали различные, незамысловатые игрушки, а однажды чинили его старенький, выдавший виды, детский велосипед.

Именно здесь, на этом маленьком крылечке, они – шестнадцатилетние подростки, в июне 1941 года, приняли решение добровольно пойти на фронт защищать родную землю.

Весть о начале войны потрясла советских людей. Еще утром этого страшного воскресного дня, когда жители города, встав позднее обычного, безмятежно занимались своими домашними делами, в Заречном парке состоялся не международный, не союзный и даже не городской, а просто междушкольный товарищеский футбольный матч, впрочем, самый важный и ответственный для участников этого состязания и их многочисленных школьных друзей. Мастерства у юных футболистов было маловато, но азарта и самоотверженности – хоть отбавляй.

Георгий и Володя играли в нападении и рвались к воротам соперника с такой настойчивостью и упорством, что защитники противной стороны не могли успевать за юркими и стремительными, как

вьюны, игроками. Володина команда победила, и юные болельщики бурно приветствовали своих кумиров. Шумно и радостно победители делились впечатлениями об игре, обсуждали планы предстоящих футбольных встреч, а также соревнований по легкой атлетике. Ведь впереди были длинные летние каникулы, а значит и масса интересных и увлекательных развлечений, походов за ягодами и грибами. Летний отдых только начинался!

... А в городе стояла необычная мертвая тишина. Странно. Ведь уже в течение многих лет стало традицией, когда в воскресные дни жители с утра выставляли громкоговорители на подоконники, и веселая музыка гремела по всем улицам и переулкам. А сейчас эта пугающая тишина настораживала и вселяла беспокойство и недоумение. Редкие прохожие с нескрываемой неприязнью смотрели на шумную ватагу ребят, высыпавшую из парка и шатавшую по проезжей части улицы.

Молодые футболисты с удивлением и непониманием оглядывались друг на друга. Чем можно объяснить эту тягостную тишину? Что происходит? Навстречу компании по гулкой мостовой понуро брел старый человек и, поравнявшись с ребятами, поднял на них полные негодования и осуждения глаза. Ребята замерли. Смех и возгласы мгновенно прекратились. Притихшая компания услышала от старого человека резкие слова: - "Вы что же шумите? Разве не слышали и не знаете, что происходит"? Кто-то из притихших ребят робко спросил: - "А что"? – "Война", - выдохнул, словно выстрелил, старик.

Так закончилась их юность. Позади осталась беззаботная и спокойная жизнь. Оборвалась нить времени. Все летние планы, замыслы и желания казались теперь призрачными и нелепыми. Словно рухнуло и ушло в прошлое детство, а неизвестное будущее открылось черной и мрачной бездной.

Конечно, пятнадцати – шестнадцатилетние юнцы не могли охватить разумом всю глубину надвигавшихся событий, но главное было совершенно ясно каждому: война резко меняет жизнь всего народа, а, значит и их судьбы. Что же ждет их, еще не познавших настоящих прелестей юности, любви, красоты?

Ребята, отяжелевшие от этих дум и мрачного предчувствия, тихо и понуро расходились по домам, где их ждали слезы и горе родных и близких, которые уже готовились провожать на призывные пункты отцов и старших братьев.

Воспоминания роились в голове Георгия, и картины того воскресного дня мелькали словно в калейдоскопе. Он остановился и тихонько постучал в знакомые, теперь чуть покосившиеся входные двери. Ему показалось, что удары собственного сердца были сильнее этого стука.

А в доме стояла тишина, не нарушаемая даже тиканьем маятника больших настенных часов, висевших когда-то в прихожей. Георгий постучал сильнее, однако никаких признаков жизни не было. Тревога нарастала, но он пытался успокоить себя тем, что за эти годы (ведь прошло более пяти лет) Красавины могли переехать на другую улицу или даже в другой город. Постучав в третий раз и не получив ответа, Георгий уже собрался вернуться домой или спросить у соседей, куда переехали Красавины. Начинал накрапывать мелкий дождик. Низкие серые тучи медленно тянулись над городом. Вечерние улицы опустели. Постояв перед дверью, Георгий решил, что беспокоить соседей уже неудобно.

"Зайду завтра утром и все выясню", - решил он и начал спускаться с крылечка, как вдруг услышал тяжелые шаркающие шаги за дверью. Дверь медленно со скрипом отворилась, и на пороге появилась сгорбленная маленькая старушка с выбившимися из-под косынки седыми прядями волос. Полуприкрытые глаза тускло смотрели на стоявшего в полуоборот молодого человека, не успевшего спуститься с крыльца.

"Простите, может Вы знаете, куда переехали...", - начал было Георгий и осекся. Женщина слегка выпрямилась, подалась вперед и широко раскрыла глаза. – "Что такое? Неужели она"? – мелькнуло в голове Георгия, когда он по потускневшим голубым глазам начал узнавать мать своего друга.

Нет, это не обман зрения, не призрак, появившийся в вечерних сумерках. Чувство неловкости и жалкого испуга, смешанного с плохо скрываемым удивлением, застыло на его слегка побледневшем лице. Вряд ли бы он испугался больше, если бы вдруг увидел перед собой разбойника или бандита с ножом в руках. Все что угодно, только не это!

Поднявшись на ступеньку, он мог теперь рассмотреть ее ближе. Глубокое потрясение усилилось, когда Георгий невольно вспомнил Тамару Николаевну, провожавшую сына на вокзале в октябре 1941 года. Она выделялась тогда среди плачущих, рыдающих, с помутневшими от горя глазами женщин, удивительной стойкостью и внешним спокойствием. Мягким, обволакивающим взглядом она смотрела на сына и словно передавала ему всю трепетную и нежную материнскую любовь. Среди шумной, плачущей толпы и невообразимой сутолоки, где перемешались юные призывники и добровольцы с близкими им людьми, Тамара Николаевна вела себя твердо и сдержанно, как бы вселяя в сына уверенность и твердость духа.

О! Она умела подавлять в себе и не показывать на людях свои чувства.

А привокзальная площадь гудела от криков, возгласов, шума и плача, прощальных стенаний и рыданий. Пожалуй, только шестнадцати – семнадцатилетние юноши, уходившие на фронт, не осознавали в полной мере, что для большинства из них это была последняя возможность взглянуть глаза в глаза своим родным и близким.

"Береги себя, не забудь написать и сообщить адрес".

"Дорогой, милый, прощай", - неслось теперь со всех сторон, когда поезд подошел к вокзалу и началась посадка.

Но вот поезд тронулся, последние напутствия и стенания были заглушены тягостным гудком паровоза. Из медленно уходящих вагонов еще доносились крики и были видны взмахи родных рук.

Только после того, как поезд скрылся за поворотом, Тамара Николаевна, уже не стыдясь и не обращая внимания на окружающих, горько разрыдалась. Долго и трудно сдерживаемые слезы катились из лучистых глаз по румяным, даже в горе, щекам. Она сожалела, что рядом не было мужа, который, как назло, получил срочный военный заказ и смог приехать на вокзал лишь тогда, когда провожающие уже разошлись. Застав возле привокзального забора рыдающую жену, он нежно обнял ее и, как мог, старался успокоить.

Георгий на мгновение закрыл глаза, в который раз переживая эти тяжелые картины проводов. Он находился как в кошмарном сне. Словно очнувшись, вновь открыл глаза, в сумерках угасающего дня опять увидел сгорбленную Тамару Николаевну, и все понял. Ему хотелось теперь исчезнуть, уйти, скрыться от этого тяжелого испытующего и скорбного взгляда, от этих приковывающих к себе глаз. И вдруг, словно в полусне, он услышал: – "Это ты, Георгий"? – "Я, – не сказал, а выдохнул тот. – "Извини, что заставила тебя ждать. Сергей Николаевич тяжело болен и почти не ходит, а я, как видишь, тоже недомогаю", – с трудом выговаривая каждое слово, медленно промолвила она.

Наступило тягостное молчание. Женщина, собрав все свое самообладание, продолжала: "Ты, ведь, наверно, не знаешь, что Коля и Володя погибли на войне. Коля был танкистом и был убит под Курском летом 1943 года. Похоронку мы получили лишь осенью того года. А Володя пропал без вести в боях за Днепр. После первого известия вскоре пришло второе письмо, где сообщалось, что он героически погиб при форсировании Днепра, а его товарищ, Федулов Алексей, вместе с которым они были на переправе, написал кратко, что снаряд попал прямо в их лодку и выбраться живым каким-то чудом удалось ему одному. Мы с мужем хотели узнать подробности и просили Алексея написать обстоятельно, как это произошло, и кто был вместе с ними в лодке. Однако из воинской части сообщили, что через несколько дней после переправы Федулов погиб в бою".

Георгий, хорошо зная Тамару Николаевну, понимал, как тяжело ей говорить все это. Она словно заново переживала горечь и боль утрат. Он понимал и то, что слова соболезнования и утешения только добавляют горя в ее сердце. Он видел много смертей, мук, слез и страшных переживаний, сам чуть не каждый день находился на краю гибели, но только сейчас, почти через два года после войны, вдруг понял весь ужас и отчаяние тех, у кого погибли самые родные и дорогие люди – дети. Вот и она, Тамара Николаевна, из молодой, красивой и цветущей женщины превратилась за несколько лет в больного и старого человека, лишенного цели и смысла жизни. Будто поняв причину молчания Георгия, Тамара Николаевна, безвольно опустив руки, прижатые к груди, тихо прошептала: – "Ведь у нас никого не осталось. Зачем нам жить? Сергей Николаевич после второй похоронки упал в цеху в обморок, сломал ногу и долго пролежал в больнице, а потом еще получил инфаркт. Сейчас ему совсем плохо. Ухаживаю, как могу, но часто и сама падаю. Скорее бы уж..." Она не договорила, но и без того было ясно, что имелось в виду. Георгию было тяжело и почему-то стыдно стоять перед этой убитой горем женщиной.

"А ведь сколько таких матерей погибло после войны не от старости, не от травм, не от несчастных случаев, а от безысходной и ужасной скорби, которая ни на минуту не покидала их, – проносились мрачные мысли в его голове, – Тяжело, когда умирают дети, лишая пожилых людей опоры и надежды. А у Тамары Николаевны с мужем погибли оба сына, не оставив внуков. Старший Николай собирался жениться как раз в канун войны. Но судьба распорядилась иначе..." И остались два человека, как заблудившиеся в глухой тайге и умирающие от голода путники, у которых нет уже никаких сил идти дальше и неоткуда ждать помощи.

В подавленном настроении возвращался домой Георгий. Мелкий дождь, начавшийся с наступившей темнотой, усилился и, чтобы не споткнуться на расшатавшихся и кое-где сломанных мостках, Георгий брел посреди улицы, то и дело ступая в образовавшиеся лужицы. Капли дождя стекали по спине, застилали глаза, но он ничего не замечал, и только одна мрачная, до физической боли ощутимая мысль, как наваждение, преследовала его: "Так, значит, война не кончилась. Она продолжает хватать свои жертвы. Какая страшная и жестокая судьба тех, кто потерял на фронте сильных, красивых, самых дорогих и близких – своих детей, а, потеряв их, потерял и смысл жизни. Им вряд ли можно помочь, как нельзя вернуть к жизни погибших". И жестокий вопрос: "Зачем жить, если впереди нет цели, нет будущего, а есть бесконечная и безмерная боль и мука, которые ничем нельзя заглушить – остается без ответа".

Говорят: время лечит. Может быть. Скорее всего, время просто ослабляет боль, но тогда, когда есть хоть какая-то надежда. У Тамары Николаевны с Сергеем Николаевичем не осталось ни родных, ни близких. В их сердцах воцарилась ужасная непроглядная ночь, одинокая жуткая старость.

На другой день вечером Георгий уезжал в командировку в Ленинград. Вернулся он лишь через две недели усталый и недовольный результатами поездки. По дороге со станции домой он встретил своего знакомого, который, едва поздоровавшись, сообщил, что на днях умерла от горя (именно так он и сказал!) Тамара Николаевна, а за два дня до ее смерти скончался муж.

Георгия потрясла эта новость. Он брел, как слепой: среди белого дня наткнулся на идущих навстречу прохожих, совсем забыв о командировке и связанных с ней неприятностях. Все казалось таким мелким и ничтожным по сравнению с разыгравшейся трагедией.

И вновь навязчивая мысль, словно тень, неотступно преследовала его: "Вот еще одна красивая пара ушла из жизни. А сколько еще людей уйдет безвременно от нестерпимой боли военных потерь? Война продолжает хватать свои жертвы. И эхо ее, может быть, не менее жестоко, чем сама война!"